

МЕГРЭ ОБ ЭТОМ НЕ ЗНАЛ

Некоторые неизвестные подробности из жизни автора знаменитых детективных романов

Каждому из нас французский писатель Жорж Сименон знаком с детства. Его детективно-психологические романы о комиссаре Мегрэ переведены, кажется, на все языки мира. Сименон всегда был «открыт» для советского читателя, даже в самые политически сложные моменты нашей жизни. Ему доверяли, как очень немногим, его печатали огромными тиражами в наших лучших партийных типографиях. И вдруг оказалось, что о самом писателе его поклонники знают далеко не все.

Недавно во Франции вышла в свет новая биография Сименона. Ее автор — Пьер Азолин. По его словам, сам Сименон, с которым он был близко знаком, передал ему в один прекрасный день ключи от своего архива со словами: «Можете делать все, что хотите, с этими материалами...»

Кроме разных интересных бумаг, в архиве было и богатое эпистолярное наследие Сименона. Поэтому, утверждает автор новой биографии, вся она, в отличие от предыдущих изданий подобного рода, основывается исключительно на документально подтвержденных фактах.

Корреспондент итальянской газеты «Република» Коррадо Ауджиа встретился с Пьером Азолином.

— Какие моменты в жизни Сименона заинтересовали вас больше всего?

— Его политическая и общественная жизнь. Как человек, в судьбе которого многое было построено на крайностях, он и политической жизнью начал интересоваться очень рано. Уже в 18 лет сотрудничал с крайне правой «Газетт де Льеж». Опубликовал на ее страницах семнадцать статей, объединенных общим заголовком «Еврейская опасность». Первые опыты были анонимными, но, начиная с восьмого, появилась его подпись — Жорж Сим.

— Каково было содержание этих статей?

— Это была банальная мешанина из общих мест против евреев. В длинной череде глупостей и вульгаризмов встречались фразы типа: «Роль евреев в международных финансах — не плод чьего-то воображения. Существует реальная опасность иудаизма, и здоровые национальные силы, и прежде всего католики, должны бороться с ним».

— В общем, в традициях наихудшего репертуара...

— Не только наихудшего, но и наивульгарнейшего. Интересно проследить, как родилась идея создания этой серии статей. В лондонской «Таймс» в начале 1920 года были опубликованы пресловутые «Протоколы сионских мудрецов», где говорится о заговоре евреев с целью захвата мира. Многие считают, что они были сфабрикованы царской охранкой. «Таймс» сначала поверила в достоверность этих документов. Ультраконсервативная «Газетт де Льеж», которая постоянно писала о евреях как о заклятых врагах Христа, тут же откликнулась на это событие. И главный редактор поручил старшему редактору молодому человеку по фамилии Сименон написать серию статей. И он написал, по существу перефразировав текст «Протоколов».

— Скажем пару слов в защиту молодого человека — ведь ему было тогда всего семнадцать, а в те времена люди куда более опытные и мудрые верили в подлинность упомянутых документов.

— Тем не менее «Таймс» во время спохватилась, провела тщательное расследование и выяснила подложность «Протоколов». После чего принесла извинение своим читателям. А «Газетт де Льеж» продолжала настаивать, что «Протоколы» — настоящие...

— Сименон никогда не вспоминал об этой истории?

— Вспомнил однажды, в 1985 году. В письме бельгийскому журналисту Жану Кристофу Камю, который написал о нем эссе, Сименон указывает на не-

которые допущенные бельгийцем неточности. И замечает: «Еще хочу указать вам на одно довольно важное обстоятельство. Речь идет о том, что я написал одну или две статьи о «Протоколах сионских мудрецов». Эти статьи не отражают моих взглядов — ни прошлых, ни теперешних. Редактор потребовал, чтобы я написал, и я написал».

— В общем, постарался признать значение своего поступка.

— Да. И допустил при этом некоторые ошибки. Прежде всего статей было семнадцать, а не две-три. Далее: в них говорилось не о «Протоколах», а о евреях вообще.

Кроме этого, я хотел бы отметить, что в жизни Сименона был один в некотором роде сомнительный период. После окончания второй мировой войны он проводит несколько месяцев в местечке Сабль д'Олон, вместо того чтобы сразу вернуться в Париж. Потом говорил: из-за болезни.

— Он говорил неправду?

— Нет, правду, но не всю. Комитет по расследованию деятельности писателей в период немецкой оккупации Франции принял решение, что произведения Сименона не будут издаваться во Франции в течение двух лет. Нет, никто не обвинял Сименона в прямом пособничестве немецким фашистам. Я тоже думаю, что Сименон вовсе не собирался сотрудничать с немцами, да и времени у него на это не было. Но и в этот раз, как и в случае с «Протоколами», он недооценил важности политического момента. Во время оккупации он уступил «права на Мегрэ» «Континенталю» — так называлось «Общество по производству кинематографической и литературной продукции», которое возглавлял сам Геббельс. Естественно, чтобы подписать необходимые документы, писателю пришлось вступить в контакт с функционерами «Континентала». Именно поэтому многие не раз видели его входящим и выходящим из нацистской комендатуры.

— Чем можно объяснить такое отстраненно-безразличное отношение знаменитого писателя к сионистским реалиям?

— Я думаю, его темпераментом и происхождением. Родители Сименона были мелкие буржуа, католики, его представления о жизни складывались в атмосфере, напоенной ультраконсервативными взглядами. Он сотрудничал не только с реакционной «Газетт». Когда Сименон появился в Париже, его взял на работу лидер крайне правых — писатель Бине-Вальмен. Потом он стал секретарем маркиза Треси, издателя антисемитской газеты «Пари-Сентр». А в 1936—1937 гг. сотрудничал с «Курьер ройаль», которую издавал один из французских монархистов. Два года Сименон писал для этого издания бесплатно, хотя вообще-то относился к деньгам очень внимательно. По такому вот «маршруту» прошел в те времена этот человек, и никто не может отрицать, что была во всем этом некая последовательность.

Не только его происхождение сыграло здесь решающую роль, но и его характер. Однажды, отвечая на вопрос какого-то журналиста, Сименон сказал, что политические пристрастия — его сугубо личное дело. И добавил: «Я — анархист и гражданин мира, на остальное мне наплевать».

— И ваши открытия это подтверждают — он сказал правду.

— Всю правду Сименон сказать не мог. Этот человек панически боялся всего нового, и понятие «анархист», какое бы значение он в него ни вкладывал, не может дать о нем полного представления.

Сименон не только придерживался консервативных и даже правых убеждений, он был реакционером в полном смысле этого слова. Панически боялся не только прогресса вообще, но и любых перемен. Любил раз и навсегда заведенный порядок.

— А его отъезд в Америку был вызван тем решением комитета, о котором мы уже говорили?

— Да, в какой-то мере. После войны он некоторое время тяжело болел плевритом и очень боялся, что за ним могут прийти и арестовать. Как только болезнь прошла, Сименон при первой же возможности уехал в Канаду, а затем в США, в штат Аризона. Решение покинуть Францию он принял не сразу и отнюдь не так-то легко. Оно было продиктовано отчасти страхом, отчасти отвращением ко всему тому, что ему пришлось здесь пережить. Говорил также, что хотел, чтобы его сын Марк вырос в «англоязычной» среде, потому и уехал в Америку.

— В Канаде он познакомился со своей второй женой.

— Дениз Умет, француженка канадского происхождения, была принята на работу Сименоном в качестве секретарши. В это время он был женат на Тиги. Когда Дениз стала его любовницей, их отношения превратились в обычный «брак втроем». Через несколько месяцев, когда Сименон переселился в Аризону, в его доме появилась еще одна женщина — Генриетт Либерже, дочь нормандского рыбака, которую Сименон еще в Париже взял в дом в качестве служанки. Генриетт приехала в Аризону продолжить свою службу. И тоже стала любовницей писателя. Сименон называл Генриетт по-своему — «Буль» и в течение последующих сорока лет ежедневно после обеда уединялся с ней в своей спальне.

— Сколько же женщин было в жизни этого разнузданного юбочника?

— Отвечая на этот вопрос, он сам назвал цифру: десять тысяч. Впрочем, он мог сказать все что угодно, — как проверить? Однако известно, что женщин в его жизни было много, и в основном — проститутки. Где бы Сименон ни находился, он каждый день непременно встречался с этими представительницами прекрасного пола. Он безошибочно находил бордели даже там, где, казалось, таких учреждений не могло и быть.

— В этой массе «фемин», как он называл всех женщин без разбора, есть такие, которые что-то значили для него? И сколько их?

— Тиги и Дениз, первая и вторая жены. Тереза Сбурелин из Венеции — эту служанку порекомендовал ему итальянский издатель Арнольдо Мондадори. Тереза тоже стала его любовницей. Вот как она об этом рассказывала: «Я однажды стирала пыль со стола, наклонилась над ним, а он подошел сзади, поднял юбку... и вот оно, счастье!» Затем — Буль «фемин для сестры». Наконец, его дочь Мари-Жо питала болезненную любовь к своему отцу и окончила жизнь самоубийством, выстрелив себе в сердце. Ей было двадцать пять лет.

Такие вот новости о Жорже Сименоне поведал в своем интервью Пьер Азолин...

Перевод
Марины АРКАДЬЕВОЙ.